

Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства
в области охраны культурного наследия
Министерство культуры Республики Татарстан
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Сибирский филиал Российского института культурологии

ИНТЕГРАЦИЯ

археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

ЧАСТЬ 1

Казань, Омск
2010

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50
И 73

И 73 Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1 / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов (гл. ред.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – 468 с.

ISBN 978-5-94981-156-6

Данный сборник подготовлен на основе материалов Международного форума «Цифровые технологии в системе инноваций сферы сохранения культурного наследия» и включает статьи XVIII Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 80-летию со дня рождения Павла Ивановича Пучкова и 80-летию со дня рождения Альфреда Хасановича Халикова (Казань, 6–8 октября 2010 г.).

Представлены статьи археологов, этнографов и ученых ряда смежных наук Азербайджана, Армении, России, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Украины, посвященные проблемам интеграции археологических и этнографических исследований. Содержится ряд статей по методологическим, теоретическим, историографическим и методическим проблемам археолого-этнографической интеграции, а также ряд материалов, посвященных результатам конкретных исследований археологических памятников и традиционных культур. Особенностью данного сборника является то, что в него включены работы, посвященные изучению и реконструкции костюма традиционных культур.

Книга рассчитана на специалистов в области этноархеологии, археологии, этнографии, истории, культурологии, лингвистики и других наук.

ББК 63.40+63.50

Рецензенты:

д-р ист. наук Т.Б. Никитина
д-р ист. наук Г.Р. Столярова

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.), канд. ист. наук М.Л. Бережнова (отв. ред.), канд. соц. наук Г.Ф. Габдрахманова, канд. ист. наук М.А. Корусенко, канд. ист. наук С.Н. Корусенко (отв. ред.), канд. ист. наук А.В. Матвеев, акад. РАН В.И. Молодин, И.М. Нестеренко, д-р ист. наук Д.Г. Савинов, канд. ист. наук А.Г. Ситдилов, канд. ист. наук С.Ф. Татауров, канд. ист. наук Л.В. Тауурова, канд. ист. наук К.Н. Тихомиров, канд. ист. наук М.Н. Тихомирова, канд. ист. наук С.С. Тихонов, канд. ист. наук Р.Р. Хайрутдинов, д-р ист. наук Р.С. Хакимов (отв. ред.), д-р ист. наук Ю.С. Худяков.

ISBN 978-5-94981-156-6

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010
© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2010

8. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 153–175.
9. Булыгин Ю.С., Бородавкин А.П. и др. История Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. – Ч. 1. – 185 с.
10. Жиров А.А. Купечество Тары во второй половине XVIII – начале XX в. (К характеристике специфических черт провинциального купечества Сибири) // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. – 2000. – С. 130–134.
11. Корусенко С.Н. Первые поселения бухарцев в Тарском Прииртышье (по материалам Тарской книги 1701 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2010. – С. 140–143.
12. Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 218 с.
13. Люцидарская А.А. Категория населения – дворовые люди. Сибирь, XVII – начало XVIII в. // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния РАН, 2006. – С. 96–108.
14. Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник С.-Петерб. ун-та. – 2007. – Сер. 2. – Вып. 3. – С. 71–93.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1937. – Т. 2. – 637 с.
16. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерк внешнеполитических отношений). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 174 с.
17. Ноздрина И.А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке: Дисс... к.и.н. – Барнаул, 2007. – 212 с.
18. Ретунских Н.А. Характер и формы русско-джунгарской торговли. XVII – первая половина XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы всерос. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 398–403.
19. Томилов Н.А. Казахи в этнической ситуации Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2007. – С. 8–12.

Л.Д. Макаров, С.Е. Перовощиков

Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет

ВОТКИНСК: АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Воткинск (от названия р. Вотка) – город республиканского подчинения, располагается в 62 км к ВСВ от г.Ижевска, в 12 км к З от р. Кама, на холмистой местности. Центр Воткинского района.

В соответствии с указом Сената от 20.10.1757 г. в 1758 г. началось строительство железоделательного завода на р. Вотке (пр. приток р. Сива, пр. притока р. Кама). Строительство было поручено горному инженеру А.С. Москвину. Была построена заводская плотина, оказавшаяся впоследствии самой длинной на Урале (382 сажени). Вместе с заводом строились и жилые дома. В 1760 г. на заводе работало уже 260 человек. До 1782 г. завод находился в ведении Берг-Коллегии, до 1796 г. в ведении Вятской казенной палаты, затем снова был передан в Берг-Коллегию. В 1801 г. начальником Камских заводов становится А.Ф. Дерябин [11, с. 248], занимавшийся, помимо производственных вопросов, и бытовыми, в том числе кладбищами.

Вопрос о месте захоронения умерших Воткинского завода поднимался неспроста, очевидно, с самого начала XIX в., поскольку прирост населения и увеличения жилых домов здесь наблюдался очень быстрый. Уже в 1810 г. в поселении насчитывалось 4294 жителя [2, с. 68, 225]. Между тем, первое кладбище заводского поселка располагалось в районе современной школы искусств на ул. Кирова, в 1 км к востоку от плотины заводского пруда. Однако уже через 5–10 лет после основания завода и поселения при нем (в 1764–1769 гг.) расстояние от крайних восточных домов до границы кладбища составляло, судя по плану, всего около 350 м [3, с. 21]. Поэтому к концу века возникла острая потребность выделить новое место для кладбища. С просьбой решить эту проблему к А.Ф. Дерябину обратился заводской священник Стефан Содальский, объяснивший (со слов Дерябина), «...что кладбище на Воткинском заводе на том месте, где оно доселе находилось, далее существовать не может, как потому, что место, до того отведённое, от долговременности уже совершенно наполнено, так особливо потому, что дома жителей от расширения завода уже сблизились с оным, просил об отводе места для кладбища на горе Каменной, лежащей от завода на юго-восток» [3, с. 31]. Предложение священника было учтено: кладбище закрывалось распоряжением начальника Камских заводов А.Ф. Дерябина от 7 июля 1808 г., при этом было

приказано выровнять поверхность кладбища и использовать место под застройку. Тогда же было выделено место под новое кладбище – Нагорное [3, с. 31]. Однако на деле указание выполнено не было и лишь в 1812 г., по настоянию священника Воткинского завода о. Василия (Блинова) первое кладбище было закрыто [10]. Таким образом, по историческим сведениям первое кладбище заводского поселения функционировало не менее 50 лет – с 1757/1758 (или с 1760) по 1812 годы.

В полукилометре к югу «на горе Каменной» возникает Нагорное кладбище, состоящее из никонианской и старообрядческой частей [4, с. 65]. Последняя впоследствии была снесена при перепланировке и строительстве пожарной части. Это второе по счету кладбище использовалось вплоть до второй половины XX в. Что касается первого, то этот некрополь был достаточно быстро занят усадьбами местных жителей. В 1980-х гг. сооружения частного сектора были снесены, а поверхность вновь выровнена. Северная часть получившейся площадки была покрыта асфальтом и использовалась под автостоянку. В южной части планировалось строительство жилого дома: там были вбиты железобетонные сваи фундамента, но в начале 1990-х гг. строительство было заморожено. По новому плану на этом месте снова был спроектирован жилой дом, но уже на фундаменте в глубоком (до 3 м) котловане. Работы начались в 2007 г. с закладки котлована, что и вызвало в итоге разрушения нескольких рядов могил. Сообщение об остатках кладбища поступило к археологам Ижевска.

В конце июля – начале сентября 2007 г. Воткинским отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета были проведены охранные исследования комплекса памятников на месте строительства [1]. Работы велись за счет средств, выделенных ФГУП «Воткинский завод» по инициативе управления культуры администрации Воткинска, и вызвали неподдельный интерес общественности [10; 12], а предварительные результаты были опубликованы [5, с. 5; 6, с. 185–186; 8, с. 214–215]. Опрос жителей дал возможность определить вероятные границы первого воткинского погоста: северная почти доходила до современной ул. Ленина, восточная – до ул. Первомайской, западная уходила за пер. Марата, южная – до середины городского квартала между ул. Кирова и Спорта. Последняя (южная) граница подтверждена и археологически – к югу от нее могилы не обнаружены.

Работы велись в двух местах: по краям котлована и на двух раскопах. По краю котлована были зачищены три стенки – западная, северная и восточная (соответственно 24, 22, и две зачистки в 38 и 26 м), что в сумме составило 110 м. Всего вдоль края котлована полностью или частично изучено 13 погребений могильника, 5 ям и 3 сооружения, относящиеся к поселению. Раскопы были заложены в 10 и 22 м к востоку от котлована на свободной от строительства территории, их площадь составила 109 кв. м. Здесь исследованы остатки 18 могил, 19 поселенческих ям, 3 сооружения и 2 канавы. Вся исследуемая площадь была вписана в единую сетку раскопа.

В процессе раскопок выявлено два одновременных объекта – Воткинские могильник и поселение. На могильнике изучено 31 захоронение с 33 погребенными (2 могилы парные). Все они совершены по православному погребальному обряду. Всего прослежено не менее 12 рядов захоронений, вытянутых в меридиональном направлении. Взаимонарушений почти не наблюдается, что можно объяснить кратковременностью существования этого кладбища. Глубина могил невелика: взрослых хоронили в ямах, углубленных на 85–125 см, детей – 23–90 см. Половозрастное определение костяков покойных провел антрополог из Санкт-Петербурга И.Г. Ширококов*. Из 17 определенных останков детских захоронений – 14, женских – 2 (одна женщина 40–50 лет, возраст второй не определен), мужских – 1 (18–25 лет). Внутримогильные погребальные конструкции неодинаковы. Абсолютно преобладали гробовища, сколоченные железными коваными гвоздями, единично – скобами. Обычно такие домовины – прямоугольные в сечении и плане ящики, иногда сужающиеся к ногам и под днищами которых изредка фиксировались поперечные планки (бруски), связывающие с «никонианскими». В одной из детских могил (№15) вдоль обеих сторон гробовища зафиксировано 5 столбовых ямок диаметром 3–4 см, глубиной 3–12 см, с конусообразным сечением дна, оставшихся, возможно, от вбитых в дно могилы кольев (ямки были заполнены древесным тленом), на которые опирались перекрывавшие домовину дощатые «полати». Аналогичные устройства до сих пор используются при похоронах на русских кладбищах. Так, к примеру, было сооружено перекрытие над гробом Дмитрия Галактионовича Макарова (отца одного из авторов) после его смерти в 1996 г. в с. Карсовой Базинского района Удмуртской Республики [7, с. 208]. Признаки «полатей» в виде остатков соответствующих деревянных конструкций зафиксированы еще, по крайней мере, в двух погребениях (№ 7 и 26).

В другом (подростковом?) захоронении (№ 4), от которого сохранилась лишь нижняя половина, вдоль юго-восточной продольной стенки, на 10–11 см выше дна могилы, была устроена ступенька (запечико), имевшая ширину до 8 см. На дне ее располагались две деревянные вещи, одна из которых имела ширину от 3 до 5 см, толщину 1,3 см, длину – не менее 63 см. Судя по сужающимся концам и овальной выемке-ложбинке посередине нижней части предмета, данная находка является лыжей. Вторая находка имеет длину 65 см, ширину 5–5,7 см, толщину 1,2–1,5 см, а от плоскости по длине всего

* Авторы глубоко признательны научному сотруднику Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) И.Г. Ширококову за половозрастное определение костяков Воткинского могильника.

предмета отходит продольный выступ высотой до 2,5 см и толщиной до 1,5 см (поперечное сечение напоминает букву «Т»). Не исключено, что это санный полоз, на котором выступ использовался для крепления в верхней части саней сиденья. Если назначение данных находок определено верно, то они, по-видимому, были положены в могилу на специально вырытый уступчик в дар покойному.

Кроме «никонианских» домовин на кладбище выявлены 6 гробовищ без железного крепежа досок (№ 7, 10, 13, 19, 24, 25), которые в этом случае могли прикрепляться друг к другу посредством деревянных шипов (или гвоздей), либо с помощью веревок, изготовленных из липовой, ивовой или черемуховой коры или прутьев, что практикуется современными старообрядцами-беспоповцами севера Удмуртии [7, с. 207–208, рис. 4]. Обнаружены также остатки долбленной из цельного ствола дерева колоды (№ 30) – обычай, сохранившийся также с древнерусских времен старообрядцами, но известный и у язычников Прикамья [7, с. 207–208, рис. 3.1,3]. В пользу последнего говорит ориентация покойного ребенка головой на ВСВ (№ 30). Обнаружена также домовина из луба, обернутая берестой (№ 9), что в целом не характерно для русского православного обряда. Однако такие случаи изредка встречаются в Прикамье и обычно трактуются как захоронения обрусевших или крещенных пермян [7, с. 207] или старообрядцев [9, с. 172].

В погребениях умершие располагались вытянуто на спине, головой на З, ЗЮЗ и ЮЗ, один раз – на ВСВ (№ 30), руки находились на костях грудной клетки или таза, будучи согнуты в локтях. В абсолютном большинстве захоронений, имевших сохранившуюся верхнюю половину костяка, в области грудной клетки располагались медные нательные крестики (один в кошельке под черепом, № 27Б), а в трех – пуговицы: железная (№ 9) и две медные (№ 18, 28Б). Интересные остатки обнаружены на уровне фиксации погребения 19. Юго-западная часть могильной ямы перекрыта овальной линзой коричневого перемешанного суглинка, оставшегося, судя по всему, от могильного холмика. Восточная часть последнего и заполнение центральной части могилы перекрыто другой овальной линзой серо-коричневого суглинка с включениями угля – следы возможных поминок с использованием костра. К западу от ямы по ее продольной оси зафиксированы две столбовые ямки диаметром 6 и 8 см, глубиной 6 и 3 см, с конической и овальной формой дна – вероятные следы столбов от столика или беседки. Южнее могилы, в 30–40 см от нее, располагались более крупные ямы диаметром 17 и 15 см, глубиной по 5 см, с плоским и овальным дном, планиграфически сопоставимые со следами столбов оградки.

Состав вещевого инвентаря, особенно крестики, а также признаки погребального обряда подтверждают письменную дату существования кладбища – вторая половина XVIII – начало XIX в.

Сооружения Воткинского поселения исследованы в основном фрагментарно, зачастую они перекрывали могильные ямы. Из 6 сооружений 4 были подпольями жилых домов и имели поквadratные очертания со стороной до 1,5–2,5 м, глубиной от 44 до 107 см (№ 1, 2, 4, 6). Их отвесные стенки облицовывались бревенчато-жердевыми срубам или вертикально установленными дощатыми щитами, а пространство между ними и земляными стенками котлованов было заполнено слоями забутовки, либо сползших в него завалинок. Дощатая облицовка крепилась изнутри деревянными столбиками. В одном из сооружений (№ 1) в углу была вырыта дополнительная яма овальной формы размером 76×56×30 см очевидно для хранения каких-то особых продуктов. В двух подпольях обнаружены строительные жертвы: 1) под срубом – медный жетон, очевидно, западного происхождения с нечитаемой надписью на латинице (№ 1); 2) в углу – медная монета 1854 г. («денежка» – ½ копейки) (№2), что позволяет датировать дом с этим подпольем серединой XIX в. А первый дом возникает в это же время: помимо жетона здесь в придонном слое подполья был найден осколок стеклянной бутылки с датой 1857 г. Одно из сооружений (№ 3) аморфной формы (100×70×30 см) было заполнено кухонными отходами (углисто-золистый слой с массой сырых и кальцинированных костей животных, чешуей и костями рыб, обломков керамики, стекла, фарфора и фаянса и отдельными бытовыми находками). Судя по всему, данное сооружение – предпечная яма. Еще одно невзрачное сооружение (№ 5) имело вид канавы, заполненной углистым слоем (125×10–25×10 см) без находок, назначение его неясно.

Кроме того, было исследовано 24 различного назначения и размеров хозяйственные ямы, в т.ч. одна выгребная (№ 12) размером 118×80×105 см, имевшая вертикальные стенки и плоское дно, в верхней части которой выявлены деревянная плаха (93×25×3 см) с характерным овальным вырезом, а чуть глубже – железный гвоздь.

В культурных напластованиях поселения в заполнении ям и сооружений обнаружен многочисленный инвентарь бытового и хозяйственного назначения: фрагменты глиняной, стеклянной, фарфоровой, фаянсовой, металлической посуды, строительной керамики (кирпичей и черепицы), оконного стекла, многочисленные металлические изделия (инструменты и орудия труда, украшения, медный нательный крест, традиционно относимый к женским старообрядческим изделиям), кости животных и рыб. В целом эти находки относятся к широкому хронологическому периоду существования поселения на месте первого Воткинского некрополя в 1810–1970-х гг. К еще более позднему времени (1970–1980-е гг.) относятся две канавы длиной свыше 10 м, шириной 0,5–1,0 м, глубиной 0,1–0,2 м, имевшие овальное дно, тянущиеся с запада на восток в 1,2 м друг от друга, нарушающие предшествующие им захоронения и поселенческие сооружения и связанные, вероятно, с поздним строительством.

Первые раскопки в Воткинске показали всю перспективность археологических исследований в его исторической части. Полученные результаты значительно расширяют наши знания в области изучения материальной и духовной культуры нашего прекрасного города, позволяют более внимательно относиться к прошлому его жителей, их достижениям и образу жизни.

Список литературы и источников

1. Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 530 (Перовищиков С.Е. Отчет об археологических исследованиях в г. Воткинске Удмуртской Республики, проведенных осенью 2007 г. 329 с.).
2. Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. – 274 с.
3. Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 354 с.
4. Воткинск. Любимый город. – Ижевск: Парацельс, 2005. – 108 с.
5. Макаров Л.Д. Археологическое исследование городов Удмуртии // Девятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы конф. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2008. – С. 3–5.
6. Макаров Л.Д. Исследование памятников городской, промышленной и церковной археологии в Удмуртии // Университет и историко-культурное наследие региона. – Пермь: Изд-во Перм. пед. ун-та, 2008. – С. 179–186. – (Тр. Кам. археолого-этнограф. экспедиции. Вып. V).
7. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 6. – С. 192–232.
8. Макаров Л.Д. Проблемы городской, индустриальной, церковной и «чердачной» археологии на территории Удмуртии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2008. – С. 204–216.
9. Макаров Л.Д., Перовищиков С.Е. Новый христианский могильник периода русской колонизации Удмуртского Прикамья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2006. – Т. 9. – С. 169–177.
10. Миролюбова А. Первый Воткинский погост // ВТВ плюс. – Воткинск, 2007. – 6 сент. – № 36.
11. Удмуртская Республика: Энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 768 с.
12. Холмогорова А. Что сокрыто под землей? // Вега [Воткинск]. – 2007. – 6 сент. (№ 36). – С. 13.

Е.П. Мартынова

Россия, Тула, государственный педагогический университет

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ НАДЫМСКОГО ГОРОДИЩА

Одна из важнейших проблем комплексных археологических исследований – корреляция этнографических, исторических, фольклорных, антропологических данных. В течение двух полевых сезонов (2001, 2002) автор принимала участие в комплексном изучении Надымского городка – одного из крупнейших археологических памятников Северного Приобья. Раскопки городища проводились в 1998–2005 гг. под руководством О.В. Кардаша. В ходе многолетних полевых работ было раскопано несколько слоев этого уникального памятника. В итоге оказалось возможным реконструировать многие аспекты истории и материальной культуры древнего населения Надымского городка и прилегающей к нему территории. Анализ полученных артефактов позволил проследить эволюцию планировки поселения, архитектуры жилых и хозяйственных построек, изменения в одежде, орудиях труда, предметах быта, боевом оружии, детских игрушках, культовых предметах на протяжении значительного периода времени (с конца XVI до первой трети XVIII вв.). По результатам исследований опубликована монография [3].

В процессе совместной работы был приобретен позитивный опыт по координации данных археологии с рядом смежных дисциплин – этнографии, археозоологии, истории, антропологии и др. В данной статье я остановлюсь на наиболее значимых вопросах, касающихся интерпретации археологических материалов при освещении социально-политических и этнических процессов в древности. Полученные в ходе полевых этнографических исследований материалы позволили реконструировать не только историю Надымского городка, но и социально-этнические процессы в бассейне р. Надым и шире – Нижнем Приобье.

При анализе памятников позднего средневековья всегда важна привязка к конкретному этносу или этнической группе. Уникальность расположения Надымского городка в том, что он находился в районе, который был (и остается) этноконтактной зоной, где проживали угры (ханты) и самодийцы (ненцы). Какую группу можно считать автохтонной в регионе? Предки какого народа населяли Надым и «городок»? Ответить на это вопросы помогли этнологические исследования.

В этнографически обозримом прошлом бассейн р. Надым и прилегающей части Обской губы был ареалом проживания хантов (*хаби*) и двух групп ненцев: лесной (*няки*, *няд' хасово*, *педэра хасово*) и тундровой (*ям хасово*, *вын хасово*). Сейчас на этой территории проживают ненцы.